

Не успел он отойти и на несколько шагов, как Гу Юэцинъ жалобно произнес:

— Ваше Высочество, вообще-то уже завтра я должен был отправиться в путь к родным краям. Благодарю вас за то, что сегодня вы не остались в стороне.

Хэ Цяньсяо впервые заговорил с ним. Он никак не ожидал, что Гу Юэцинъ выберет именно такую манеру общения. Странно, но когда этот взрослый мужчина пытался вызвать жалость, это не вызывало отвращения — напротив, в нем сквозила какая-то обезоруживающая грусть, заставлявшая проникнуться сочувствием. Поистине, звание первой красавицы Поднебесной было оправдано.

Хэ Цяньсяо собрался с духом, намереваясь уйти, но, к его удивлению, Гу Юэцинъ опустил голову, и по его щекам покатились слезы.

Хэ Цяньсяо: !!

Гу Юэцинъ тяжело вздохнул, в его облике читалось полное отчаяние.

Хэ Цяньсяо твердил про себя: всё это ложь, всё притворство, нельзя поддаваться жалости.

— Я ведь уже завтра должен был вернуться на родину. И хотя я тоскую по дому, меня одолевает страх. Я даже не знаю, придется ли мне завтра снова терпеть холодные взгляды и пренебрежение.

Хэ Цяньсяо остановился и попытался его утешить:

— Те, кто сопровождает тебя, не посмеют причинить тебе зла.

Гу Юэцинъ опустил голову, и его глаза хитро блеснули.

— Ваше Высочество, вы знаете, кто это?

Хэ Цяньсяо: «...» Так вот к чему он клонил?

Он так и знал, что слезы Гу Юэцинъ не могли пролиться просто так. Хэ Цяньсяо решил прикинуться дурачком:

— О ком ты? Ладно, Юань Сяоюань, нам пора.

Под жалостливым взглядом Гу Юэцинъ Хэ Цяньсяо взял Юань Юаня за руку и взобрался в карету.

На следующий день, едва петухи пропели в третий раз, Хэ Цяньсяо уже сидел в карете, направлявшейся к границе. Наследный принц и Янь Гуй ехали верхом, а в карете находились лишь Хэ Цяньсяо и Гу Юэцинъ. Принц — потому что не умел ездить верхом, а Гу Юэцинъ — из-

за своего особого статуса заложника, находившегося под строгим надзором.

Хэ Цяньсяо слышал, что стражник, приставленный к Гу Юэциню, вчера напился и к утру не вернулся. Когда принц пришел забирать заложника, он пришел в ярость и сурово наказал охрану поместья. А когда Гу Юэцин сел в карету, принц лично следовал по обе стороны от нее.

Хэ Цяньсяо понимал: принц наверняка чувствует подвох. В конце концов, вчера охрана поместья была слабой, Гу Юэцин мог легко сбежать, лишив Великую Хэ козыря в давлении на государство Минь. Однако он не только не сбежал, но и послушно остался на месте, что выглядело крайне подозрительно.

Хэ Цяньсяо, впрочем, знал причину: у Гу Юэциня в Великой Хэ остались незаконченные дела, поэтому бегство было исключено. Оставалось лишь дожидаться, как он сам это объяснит.

Карета тронулась. Проехав полдня и едва выбравшись за город, они остановились на отдых у ручья. Хэ Цяньсяо пообедал и уже собирался подремать, как услышал, что полог кареты отодвинули. Открыв глаза, он увидел Хэ Цзычэня, который, держа в руках лепешку, невозмутимо уселся рядом.

— Шестой брат, спишь ты, я погляжу, сладко.

Хэ Цяньсяо уже не видел смысла притворяться перед ним, поэтому равнодушно ответил:

— М-м, действительно сладко.

Хэ Цзычэнь, помня о прошлом опыте, не стал ходить вокруг да около и прямо заявил:

— Слышал, вчера ты встречался с заложником. Ты столкнулся с ним, когда он выходил из поместья, и о чем-то долго беседовал. Шестой брат, тайные связи с людьми из других государств — это преступление, караемое смертью.

Хэ Цяньсяо открыл глаза и молча посмотрел на Хэ Цзычэня. Его взгляд был необычайно ясным, в нем читалась проницательность, совершенно не свойственная прежнему глуповатому принцу. Хэ Цзычэнь заметил это еще тогда, когда Хэ Цяньсяо защищал свою позицию по поводу Порошка холодной пищи перед отцом-императором.

Под таким взглядом даже святой мог бы растаять. Хэ Цзычэнь, хотя и не был добродетельным человеком, не питал дурных помыслов по отношению к собственному брату. Раньше он думал, что Хэ Цяньсяо — лишь глупец, раздражающий своим видом, но теперь, когда тот оказался умным и не претендующим на трон, почему бы не сделать его своим союзником? Если он будет искренне заботиться о нем как о младшем брате, это будет даже неплохо. Всё зависело от того, пойдет ли Хэ Цяньсяо на контакт.

Однако Хэ Цяньсяо вдруг выудил откуда-то платок и накрыл им лицо.

— Если хочешь обвинить меня — обвиняй, но, уходя, плотнее задерни занавеску. Я боюсь простудиться и задержать нас в пути.

Хэ Цзычэнь: «...»

Он уставился на тонкие, как побеги лука, пальцы, лежавшие на платке. Этот Шестой брат стал хитрым, но еще более ленивым. В глазах принца мелькнула искра, но он промолчал.

В этот момент снаружи слышались шаги, и кто-то доложил:

— Ваше Высочество, заложник Гу Юэцинь просит аудиенции.

Хэ Цзычэнь решил, что зовут его, и сухо бросил:

— Пусть ждет.

— Это... Ваше Высочество Наследный принц, заложник просит встречи с Шестым принцем.

Хэ Цяньсяо убрал платок. Хэ Цзычэнь с подозрением посмотрел на брата и, не дав тому и слова сказать, отрезал:

— Шестой принц не примет его.

Хэ Цяньсяо, который и сам не горел желанием встречаться, снова накрылся платком. Но человек снаружи смущенно произнес:

— Ваше Высочество... Заложник сказал, что если Шестой принц не выйдет, он будет плакать до тех пор, пока тот не согласится. Если у Шестого принца... осталось хоть немного сострадания, он должен встретиться с ним.

Хэ Цзычэнь нахмурился:

— Абсурд!

Но самое абсурдное было впереди.

— Шестой принц, заложник сказал, что вы вчера забрали у него одну вещь. Вы можете не встречаться с ним, но обязаны вернуть ее.

Хэ Цяньсяо понял, что поспать не удастся, и спросил:

— Что именно?

— Он сказал, что вы забрали его... его... сердце.

Хэ Цяньсяо: ...

Ужас!

Хэ Цяньсяо был в шоке. Хэ Цзычэнь после секундного недоумения сменил выражение лица на заинтересованное, словно предвкушая забавное зрелище.

— Шестой брат, раз заложник говорит о столь серьезных вещах, сходи, окажи ему милость, взгляни на него.

Хэ Цяньсяо подумал, что принц — поистине прекрасный брат, который так и норовит столкнуть его в яму с огнем. Он даже заподозрил, не сошел ли заложник с ума. Однако, увидев Гу Юэциня, он понял, что тот не только не безумен, но и выглядит куда здоровее, чем вчера. Видимо, уход и питание пошли ему на пользу — сейчас он жил гораздо лучше, чем в поместье заложника.

Гу Юэцин, притворяясь застенчивым, тихо произнес:

— Ваше Высочество вчера сказали, что меня будут сопровождать, но не упомянули, что Шестой принц тоже будет в этом отряде.

Хэ Цяньсяо вздрогнул. Слова Гу Юэциня явно намекали на то, что он — пособник врага, раз раскрыл ему состав охраны! Хэ Цяньсяо тут же выпалил:

— Я вчера виделся с тобой? Почему я не помню? Не смей возводить на меня напраслину!

Гу Юэцин опустил голову и снова начал лить слезы:

— Ваше Высочество — знатный человек, у вас много забот, поэтому неудивительно, что вы меня не помните.

Хэ Цяньсяо возразил:

— У меня отличная память, и я тебя не видел.

Неужели он хочет выставить его предателем? Хэ Цяньсяо не собирался признаваться. Гу Юэцин вдруг поднял голову и прыснул со смеху. Очевидно, он просто дразнил его. Хэ Цяньсяо решил, что тому просто нечем заняться, и махнул рукавом:

— Раз так весело, награжу тебя сегодня тем, что оставишь обед другим.

Гу Юэцин опустил голову:

— Как прикажет Шестой принц, так я и сделаю.

Его ничуть не задели эти слова. Хэ Цяньсяо глубоко вздохнул. Хэ Цзычэнь, вдоволь насмотревшись на это представление, наконец подал голос:

— Дорога предстоит долгая и холодная, советую заложнику побережь силы и подумать, как добраться до границы живым.

В этой поездке Гу Юэцинъ играл ключевую роль, поэтому умирать ему никто не позволил бы. Однако само осознание того, что он — лишь рыба на разделочной доске, заставило улыбку Гу Юэцинъ погаснуть, а взгляд — стать тяжелым. Он отбросил маску нежной девы и медленно произнес:

— Благодарю за напоминание, Ваше Высочество.

Хэ Цзычэнь промолчал. Разобравшись с Гу Юэцинем, Хэ Цяньсяо понял, что дневной сон окончательно сорван. Заметив, что принц отстал, он вспомнил про Янь Гуя. Янь Гуй был непревзойденным бойцом, и, как сказал принц, путь впереди опасен. Если наладить с ним отношения, можно будет чувствовать себя в безопасности.

Хэ Цяньсяо перехватил стражника и спросил, где Янь Гуй. Тот ответил, что господин Янь обсуждает дела с охраной заложника. В поездке они соблюдали осторожность, поэтому никто не называл его генералом — только господином. Принц был Первым господином, Хэ Цяньсяо — Шестым, остальные же звались по именам.

Хэ Цяньсяо восхитился его усердием: все отдыхали, а он продолжал работать. Ходили слухи, что Янь Гуй был строг в управлении армией, и войска под его началом отличались блестящей выучкой. Его Величество был в восторге от него и даже наградил.

По пути к нему Хэ Цяньсяо встретил человека, которого здесь быть не должно было — Сюй Цзюэмина, лучшего ученика, сдавшего экзамены на высший балл. Хэ Цяньсяо подумал, что ошибся, но когда тот повернулся, сомнений не осталось — это был он.

Сюй Цзюэмин тоже заметил его. Когда Хэ Цяньсяо собрался сделать вид, что не заметил его, и пройти мимо, Сюй Цзюэмин позвал:

— Шестой господин.

Хэ Цяньсяо потер нос. Тон Сюй Цзюэмина был холодным, как всегда:

— Давненько не виделись, Шестой господин, вы в добром здравии?

Хэ Цяньсяо с подозрением посмотрел на него. Солнце сегодня встало на западе? Сюй Цзюэмин решил поинтересоваться его здоровьем? Но после вопроса тот замолчал. Похоже, он окликнул его только ради приличия и общаться дальше не собирался. Хэ Цяньсяо небрежно кивнул и прошел мимо.

Он не видел, как Сюй Цзюэмин долго смотрел ему вслед. Раньше, если бы Сюй Цзюэмин сам заговорил с ним, Хэ Цяньсяо сиял бы от счастья, даже зная, что тот не питает к нему теплых чувств. Теперь же он просто ушел? Если он всё помнил, то единственным объяснением могло быть одно: Хэ Цяньсяо окончательно вычеркнул его из своего сердца.

Неизвестно почему, но в голове Сюй Цзюэмина всплыла картина: Хэ Цяньсяо с цветком в волосах, застенчиво улыбающийся ему. Он даже не заметил, как пролил воду из бамбуковой фляги. Опомившись, он поспешно убрал ее и покинул берег ручья.

А Хэ Цяньсяо, не успев найти Янь Гуя, был отозван Юань Юанем — пора было отправляться в путь. Сев в карету, он спросил:

— Сюй... нет, почему Сюй Цзюэмин поехал с нами?

Юань Юань с выражением лица, в котором смешались сложные чувства, ответил:

— Ваше Высочество, вы действительно больше не любите господина Сюя? Даже не знаете, что он едет с нами.

— Я... — Хэ Цяньсяо щелкнул его по лбу. — Только ты и умеешь болтать.

Юань Юань, приняв вид «я всё понимаю, вы просто очень огорчены», продолжил:

— Говорят, господин Сюй едет в далекие края искать родственников. Нам по пути, вот он и присоединился. Наверное, как доберемся, он от нас отделится.

Как много значит происхождение. Если бы это был простой человек, его бы давно выгнали, но Сюй Цзюэмин не только ехал в их свите, но и находился под государственной защитой. Хэ Цяньсяо задумался: что за родственники такие, которых нужно искать за тысячи ли? У отца Сюя была только законная жена, родня матери давно скончалась, а остальные родственники жили в столице. Но Хэ Цяньсяо и самому было нелегко, так что любопытство быстро угасло.

Во второй половине дня они еще дальше удалились от столицы. Долгие путешествия в древности были мучительны — и в карете, и верхом. Они ехали по государственным делам, и, кроме стука копыт и скрипа колес, ничего не было слышно. Для человека из современного мира это было невыносимо скучно. Хэ Цяньсяо даже забыл взять книги.

К вечеру, добравшись до места, они разбили лагерь. Они проехали немало городов, но останавливаться в постоянных дворах не стали. Янь Гуй, имевший богатый опыт выживания в дикой природе, быстро организовал своих людей.

Хэ Цяньсяо высунул голову из кареты. Костры уже горели, их свет разгонял тьму. Высокая фигура Янь Гуя мелькала между ними — прямой и собранный. Принц и Сюй Цзюэмин сидели у огня, обсуждая что-то. Стол был наспех сколочен из досок, стульев не было, но даже сидя на земле, они сохраняли благородную осанку. Хэ Цзычэнь выглядел величественно, Сюй Цзюэмин

— элегантно. Янь Гуй, стоявший рядом, не уступал им в стати, излучая властную ауру, от которой становилось не по себе.

Если бы здесь оказалась юная дева, она бы не отвела от них глаз. Они сами по себе были как картина. Хэ Цяньсяо перевел взгляд вправо и встретился глазами с Гу Юэцинем, который тоже выглянул из своей кареты. Лицо Гу Юэциня в свете костра казалось светящимся и еще более прекрасным. Он улыбнулся Хэ Цяньсяо, и в его глазах отразились искры огня.

Хэ Цяньсяо отвел взгляд. Наступило время ужина. Еда, которую они везли, была сухой и трудно поддавалась варке. В тишине слышалось лишь трещание дров и бульканье риса в котелках. Не выдержав, Хэ Цяньсяо снова высунулся:

— Эй, кто-нибудь!

Юань Юань прошептал:

— Ваше Высочество, что случилось? Вы можете просто приказать мне.

Хэ Цяньсяо указал на одного из стражников:

— Ты, умеешь рассказывать смешные истории?

Тот опешил и замялся. Янь Гуй, услышав это, повернулся к ним, с легким ожиданием на лице, и, перестав работать, прислонился к дереву. Большинство стражников были воинами Янь Гуя, и, видя, что генерал расслабился, они тоже с интересом уставились на Хэ Цяньсяо и стражника.

Раз Шестой принц приказал, стражник был вынужден попытаться:

— Ну... я... я слышал от деревенских...

Хэ Цяньсяо положил лицо на край окна кареты. Он смотрел на стражника, который не мог выдавить из себя ни слова, а лишь пристально смотрел на него. Свет костра падал на Хэ Цяньсяо, делая его лицо похожим на лик духа — кожа была белоснежной, как нефрит, а губы — ярко-красными. В обычное время на него мало кто смотрел, а сейчас, когда он поднял голову, все замерли.

Он был не просто красив, в его облике было что-то неземное, а уголки глаз, чуть приподнятые вверх, придавали ему сходство с котом.

Хэ Цяньсяо нахмурился:

— Почему замолчал?

Стражник пробормотал:

— Моя мать говорила, что нужно опасаться слишком красивых людей...

Не успел он закончить, как Хэ Цзычэнь холодно произнес:

— Дерзость!

Стражник, словно очнувшись, в холодном поту упал на колени. Хэ Цяньсяо еще не успел ничего понять, как Хэ Цзычэнь махнул рукой:

— Убирайся.

Стражник исчез в мгновение ока. Хэ Цяньсяо не услышал шутки, зато, кажется, стал поводом для сплетен. Поняв, что от этих стражников толку нет, он закрыл занавеску. Но тут Хэ Цзычэнь добавил:

— Шестой брат, целый день в карете, не хочешь выйти подышать?

Хэ Цяньсяо, которому было невыносимо скучно, неожиданно согласился. Когда он вышел, Сюй Цзюэмин уже уступил ему свое место. Как только Хэ Цяньсяо сел, кто-то подал ему чай. Весь день в карете никто не проявлял такой заботы. Он решил, что это из-за того, что принц стал относиться к нему лучше. Остальные же, стараясь не смотреть на них, отвели глаза, что показалось Хэ Цяньсяо странным.

Удивительно, но принц больше не язвил. Его тон был почти мягким.

— Решил попросить кого-то рассказать шутку, потому что стало слишком скучно?

Хэ Цяньсяо, подперев щеку рукой и глядя на костер, ответил с детской непосредственностью:

— Разве это просто скучно? Это невыносимо скучно!

Хэ Цзычэнь: «...»

Сюй Цзюэмин вставил:

— Первый господин, Шестой господин еще молод, для него такая долгая дорога — сущее испытание.

Возможно, он хотел оправдать Хэ Цяньсяо и смягчить гнев принца. Но Хэ Цзычэнь вовсе не злился. Он странно посмотрел на него и равнодушно произнес:

— Вот как? Не знал, что вы стали такими близкими, раз ты даже вызвался заступиться за моего Шестого брата.

Хэ Цяньсяо подумал, что принц шутит. Близкие отношения с Сюй Цзюэмином? Тот явно

избегал его как огня. И почему Сюй Цзюэмин вообще заговорил? Принц ведь и не злился особо, но стоило Сюй Цзюэмину открыть рот, как в его голосе прорезались нотки гнева. Сюй Цзюэмин явно хотел подставить его, выставив в невыгодном свете.

Но когда Хэ Цзычэнь спросил снова, Сюй Цзюэмин лишь поклонился:

— Прошу прощения, я был неосторожен в словах.

Хэ Цзычэнь бросил на него взгляд, полный глубокого, испытующего смысла.

<http://bllate.org/book/18613/1792094>